

И.А. Коргун

Институт экономики РАН, Москва

Многоуровневая либерализация, или Почему корейский рынок остается труднодоступным

Аннотация. Поворот России на Восток требует обеспечивать продвижение российской продукции на восточноазиатские рынки. Сложность данной задачи сопряжена в том числе со спецификой восточноазиатских рынков, проникнуть на которые иностранному импорту довольно сложно, несмотря на их либерализацию в последние десятилетия. В статье рассматривается пример Республики Корея, рынок которой привлекает внимание бизнеса платежеспособным спросом и положительной динамикой. Исследование показывает, что сохранившиеся элементы национализма в торговой политике Кореи обуславливают многоуровневый подход к либерализации рынка, позволяющий защищать национальных игроков и одновременно проводить международную экспансию своего бизнеса. Данная политика обеспечивает дополнительную протекцию корейским компаниям и влияет на конкуренцию. На примере соглашения с ЕС показано, что наиболее эффективный доступ на корейский рынок обеспечивают соглашения о свободной торговле, которым Сеул отдает предпочтение как инструменту либерализации рынка, и объясняются причины этого. Нетарифные барьеры и монополистический характер корейских отраслевых рынков также затрудняют выгодное позиционирование иностранных компаний в Корее. В статье даются некоторые рекомендации по работе на корейском рынке, которые могут быть актуальными для российских компаний, ищущих новые рынки в условиях введенных Западом ограничений.

Ключевые слова: протекционизм, либерализация, Республика Корея, поворот на Восток, корейский рынок.

Классификация JEL: F13, F15.

Для цитирования: **Коргун И.А.** (2023). Многоуровневая либерализация, или Почему корейский рынок остается труднодоступным // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (58). С. 157–164. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_157

1. Роль торговли в южнокорейской экономике и особенности протекционистской защиты в период быстрого роста 1970–1980 гг.

Республика Корея (далее – Корея) является одним из крупнейших потребительских рынков в мире. В 2021 г. страна находилась на 35 месте по уровню ВВП на душу населения по ППС, который достиг 47 242,5 долл.¹ Положительная экономическая динамика в стране также повышает привлекательность корейского рынка в глазах бизнеса. На протяжении последних 10 лет показатель ежегодного прироста ВВП в Республике Корея был выше среднего показателя для стран ОЭСР: в Корее он составлял 3–5%, в ОЭСР в целом 1,5–2,5%, за исключением 2021 г., когда для ОЭСР в целом он составил 5,6%, а для Кореи – 4,1%. По прогнозу на 2023 г. экономический рост в Республике Корея составит 1,8%, а в странах-членах ОЭСР – 0,8% (OECD, 2023).

Внешняя торговля традиционно играет важную роль в развитии корейской экономики, которая на протяжении последних 60 лет развивалась под воздействием экспортоориентированной модели развития. Как отмечают авторы (Коргун, Зуев 2020), торговля способствует развитию производственных сил и росту благосостояния корейского общества в целом. Осознавая значимость внешней торговли для национальной экономики, государство в Корее придает большое значение проведению эффективной торговой политики.

Под торговой политикой в рамках настоящего исследования понимается совокупность мер и инструментов, направленных на балансирование интересов международной экспансии корейских промышленных групп, либерализации внутреннего рынка с целью улучшения инвестиционного климата и одновременно – его защиты от чрезмерного проникновения иностранных товаров для поддержания национальных производителей. Наибольшее внимание уделяется сочетанию многостороннего и регионального подходов к либерализации, которое является отличительной чертой корейской торговой политики с начала 2000-х годов.

В период активной промышленной политики периода индустриализации 1960–1980-х годов государственные меры корейского правительства в области торговой политики имели откровенно протекционистский характер и характеризовались как интервенции. При этом страна извлекала выгоду от принадлежности к международной торговой системе, представленной Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ). Имея доступ на рынки развитых стран благодаря максимально льготным условиям доступа на рынки, предоставлявшимся развивающимся странам

в рамках ГАТТ, Корея поддерживала высокий уровень эффективной защиты для ряда отраслей и особенно для тех, которые имели стратегическое значение (Amsden, 1992, p. 139–155). Например, в 1982 г. эффективный уровень защиты промышленной химии составлял 65,8%, электрического машиностроения – 44,8%, а для нефтепереработки он превышал 600% и т.д. (Yoo, 1991). Таким образом, выстраивая свою ориентированную на экспорт стратегию в условиях развивавшегося на Западе неоллиберального подхода, Корея действовала в соответствии с логикой протекционизма, когда дело касалось внутреннего рынка.

2. Некоторые особенности либерализации рынка в Республике Корея в 1990–2000-е годы

По мере достижения более высокого уровня развития к началу 1990-х годов идеи неоллиберализма возобладали и в Корее, и страна была вынуждена снижать уровень защиты рынка в соответствии со своими обязательствами по доступу на рынок в ВТО. В 1996 г. средняя ставка таможенного тарифа составляла 27,2%.

Но, несмотря на то что с середины 1990-х годов Корея официально следовала принципам неоллиберализма в торговой политике, обозначая либерализацию рынка и режима инвестиций как цель развития, прочно укоренившийся рыночный национализм довольно активно проявлял себя и продолжал влиять на принимаемые решения о либерализации (Lee Y., Lee K., 2015). Это влияние выразилось, в частности, в том, что Корея не решилась на более масштабную либерализацию и стремилась сохранить максимально возможные ставки таможенных пошлин на импорт. Сравнение ставок таможенного тарифа в рамках режима наибольшего благоприятствования (РНБ) ВТО наглядно иллюстрирует положение дел.

В табл. 1 приведено сопоставление ставок тарифов, применяемых Кореей и некоторыми другими странами-членами ВТО. В таблице для трех категорий товаров указаны три величины: средний применяемый уровень, средний уровень ставок РНБ и конечный уровень связывания. Сопоставление показывает, что даже после либерализации ставки в Корее остаются на более высоком уровне, чем в других азиатских экономиках – Японии, Китае, и даже развивающемся Вьетнаме. Сельскохозяйственный сектор пользуется наибольшей защитой. Необходимость защиты национального сельского хозяйства объясняется соображениями обеспечения минимального уровня продовольственной безопасности и сохранения образа жизни фермеров (Chen, 2019), культурным кодом прошлого, когда Республика Корея была аграрной страной. Таким образом, многосторонняя либерализация после всту-

¹ GDP per capita, PPP (current international \$) (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>).

Таблица 1

Сопоставление ставок тарифов РНБ, действующих в Республике Корея и других странах-членах ВТО

Страна	Группы товаров	Конечный уровень связывания	Средний уровень ставок РНБ	Средний применяемый уровень
Корея	Все товары	18,3	13,6	8,9
	Сельскохозяйственные	64,9	56,8	88,0
	Другие	9,9	6,6	3,7
Китай	Все товары	10,0	7,5	3,2
	Сельскохозяйственные	15,7	13,8	12,8
	Другие	9,1	6,5	2,5
Япония	Все товары	4,6	4,2	2,4
	Сельскохозяйственные	18,4	14,9	13,9
	Другие	2,5	2,5	1,2
Вьетнам	Все товары	11,7	9,6	5,3
	Сельскохозяйственные	18,8	17,1	11,9
	Другие	10,5	8,4	4,7
США	Все товары	3,3	3,4	2,3
	Сельскохозяйственные	4,5	5,2	4,5
	Другие	3,2	3,1	2,1

Источник: WTO World Tariffs profiles (https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_tariff_profiles22_e.htm).

пления в ВТО хотя и повысила уровень доступа на корейский рынок, но не сделала его более открытым в сравнении с другими странами.

Большой степени либерализации корейского рынка удалось достичь не в рамках многостороннего подхода ВТО, а в рамках региональных и межрегиональных соглашений о свободной торговле, которым страна стала отдавать предпочтение с начала 2000-х годов². Например, в результате соглашения с ЕС были устранены таможенные пошлины на 98,7% товарных линий, сняты нетарифные ограничения на импорт в Корею автомобилей, фармацевтической продукции, электроники и химической продукции³.

Определенную роль в дрейфе Кореи в направлении либерализации в рамках региональных и межрегиональных соглашений о свободной торговле (ССТ) сыграл системный кризис в ВТО, сложившийся на фоне провала Дохийского раунда переговоров и своеобразной балканизации интересов стран-членов, выразившейся в создании коалиций (групп) по интересам. На момент подготовки данного исследования официальный сайт ВТО упоминал

о существовании 26 групп в переговорах, при этом Корея значилась участником 6 групп⁴. Кроме того, в Корее сложилось негативное отношение к ВТО.

Последний стал даже более значимым фактором при выборе приоритета в пользу регионального формата либерализации. Соглашения о свободной торговле позволяли исключать из переговорного процесса слабые отрасли и варьировать уровень обязательств доступа на рынок в зависимости от страны-партнера. Следствием такого подхода Кореи к либерализации доступа на рынок в рамках ССТ явился ее неравномерный характер. Например, если в случае соглашения с ЕС были устранены пошлины на 98,7% товарных линий, то в соглашениях с Чили – на 96%, с ЕАСТ – 88–88,5%, с Индией – 93%, с Сингапуром – 59,7%, с США – 90% тарифных линий для несельскохозяйственных товаров, в соглашениях с Перу – устранение тарифов на все торгуемые между странами товары в течение 10 лет. Таким образом, в каждом конкретном случае предварительная оценка потенциальных выгод и потерь для национальных производителей и экономики влияла на устанавливаемый уровень доступа на рынок⁵.

² По состоянию на февраль 2023 г., страна в общей сложности заключила 21 соглашение о свободной торговле, охватывающее 59 экономик мира, включая Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) (по данным официального портала <https://www.fta.go.kr/main/situation/kfta/ov/>).

³ European Commission. EU-South Korea Free Trade Agreement (<https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/eu-south-korea-free-trade-agreement>).

⁴ К этим группам относятся Asian developing members, APEC, G-10, G-33, Friends of A-D Negotiations (FANs), Joint proposal (in intellectual property) https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/groups_by_country_e.htm.

⁵ Официальный портал ССТ Министерства промышленности, торговли и ресурсов Республики Корея (<https://www.fta.go.kr/main/situation/kfta/ov/>).

При этом открытие рынка в рамках ССТ с отдельными торговыми партнерами было гораздо проще позиционировать перед общественным мнением в качестве компромисса (“trade off”) за расширение доступа корейской продукции на международные рынки и получение дополнительных конкурентных преимуществ перед иностранными фирмами на национальных рынках торговых партнеров. Крупный специалист по корейской торговой политике М. Ку отмечает, и здесь с ним можно согласиться, что было бы наивно полагать, что южнокорейские элиты рассматривают ССТ с точки зрения реального открытия рынка и продвижения либерализма. Для них ССТ – инструмент балансирования либерализации и социальной защиты (Коо, 2011).

3. Уровни либерализации корейского рынка и значимость соглашений о свободной торговле для расширения доступа на корейский рынок

В результате сочетания многостороннего и регионального подходов в Корею возникла многоуровневая система либерализации рынка. Таможенная служба Кореи выделяет семь уровней приоритетов, которыми она руководствуется при определении ставки импортного тарифа. Эти уровни приоритетов представлены в табл. 2. Примечательно, что наибольшим приоритетом обладают меры, направленные на защиту национальных производителей (уровень 1), вторыми являются ставки пошлин в рамках соглашений

Таблица 2

Приоритетность применения различных тарифных мер в Республике Корея

Уровень приоритета	Применяемые тарифы	Порядок применения
1	Антидемпинговые пошлины Компенсационные пошлины Ответные меры (retaliatory tariffs; устанавливаются в ответ на действия других стран) Экстренные тарифы Экстренные тарифы на отдельные товары Специальные чрезвычайные тарифы на сельскохозяйственную, лесную и животноводческую продукцию Скорректированные тарифы ⁶	Применяются в первую очередь
2	Соглашения о свободной торговле с Чили, АСЕАН, Сингапуром, ЕАЭСТ, Индией, ЕС, Перу, США, Турцией, Австралией, Канадой, Колумбией, Китаем, Вьетнамом, Новой Зеландией, странами Центральной Америки, Великобританией, ВРЭП ⁷	Применяется в случае если ставки в п. 3–7 данной таблицы выше ставок, установленных данными соглашениями
3	Режим РНБ ВТО, условия доступа для развивающихся стран в рамках ВТО, ставки по договорам между развивающимися странами в рамках ЮНКТАД ⁸ , Азиатско-тихоокеанское торговое соглашение	Применяется в случае если ставки в п. 4–7 данной таблицы выше ставок, установленных данными соглашениями
4	Компенсационные пошлины (в рамках п. 69 Закона о таможенном тарифе), ставки в рамках квот	Имеет приоритет перед п. 5–7
5	Преференциальные ставки на ввоз/импорт товаров из беднейших стран	Имеет приоритет перед п. 6–7
6	Защитные тарифы (provisional tariffs)	Имеет приоритет перед п. 7
7	Базовая ставка	Применяются в последнюю очередь

Источник: Таможенная служба Республики Корея (<https://www.customs.go.kr/ftaportalkor/cm/cntnts/cntntsView.do?mi=3395&cntntsId=1057>).

⁶ Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

⁷ Закон о таможенном тарифе в редакции от 31.12.2022 (<https://www.clhs.co.kr/law.asp?strlaw=%B0%FC%BC%BC%B9%FD>).

⁸ Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

о свободной торговле, последними – базовые ставки. Как правило, ставки в рамках ССТ существенно ниже, чем ставки РНБ, преференциальные или базовые ставки.

Можно считать, что с точки зрения стран, заинтересованных в экспорте в Республику

Корея, соглашения о свободной торговле остаются наиболее эффективным способом проникновения на корейский рынок. Это подтверждается и данными о влиянии ССТ на торговлю Кореи со странами, выступающими партнерами по данным соглашениям.

Как показывают расчеты, проведенные (Коргун, Зуев, 2020), в каждом случае заключения ССТ наблюдалось ускорение темпов прироста торговых потоков. В качестве иллюстрации приведем пример влияния ССТ между Кореей и ЕС на европейский экспорт в Корею⁹. ССТ Республика Корея – ЕС вступило в силу в 2011 г. и для ЕС стало первым соглашением в контексте политики «Global Europe»

(Siles-Brügge, 2014), а для Республики Корея – третьим после США и Китая соглашением с крупной экономикой. В табл. 3 представлены реальные объемы экспорта по состоянию на 2019 г. (последний допандемийный год), прогнозируемые объемы экспорта в 2019 г. в отсутствие ССТ, а также размер превышения реальных над прогнозными значениями. Для представленных категорий товаров средний размер превышения объема экспорта составил 82,3%, а по некоторым категориям товаров он мог достигать 200, 400 и 600%. Таким образом, положительный эффект от ССТ был весьма ощутимым.

4. Нетарифная защита рынка

Сложность проникновения на корейский рынок связана не только с многоуровневой системой тарифной защиты, которая сочетает в себе элементы многостороннего подхода в рамках ВТО и регионального/странового в рамках ССТ, но и с применяемыми

Таблица 3

Расчеты эффекта ССТ с ЕС на европейский экспорт в Республику Корея отдельных категорий товаров

Категория товаров	2019 г., факт, долл.	2019 г., прогноз, долл.	Размеры превышения, %
Молоко, сливки и молочные продукты (кроме масла, сыра)	275 024,526	174 263,076	57,8
Сыр и творог	175 560,834	86 454,2469	103,1
Шоколад, готовые пищевые продукты с какао, не включенные в другие категории	95 511,841	126 795,316	-24,7
Алкогольные напитки	490 361,358	275 456,103	78,0
Автомобили для перевозки людей	688 6012,5	352 7053,2	95,2
Дорожные моторные транспортные средства, не включенные в другие категории	174 448,147	143 435,687	21,6
Детали и аксессуары автомобилей	971 567,716	820 941,599	18,3
Мотоциклы и велосипеды	60 247,703	55 397,5797	8,8
Мебель и запчасти	330 719,941	399 960,923	-17,3
Товары для путешествий, сумки	1 080 355,66	646 985,986	67,0
Одежда мужская из текстильных тканей, нетрикотажная	190 028,563	65 753,8697	189,0
Одежда женская из текстильных тканей	266 070,666	68 125,7455	290,6
Одежда мужская или для мальчиков из текстиля трикотажная, вязанная крючком	35 993,603	15 089,8241	138,5
Одежда женская из текстиля трикотажная, или вязаная	48 806,987	9676,00447	404,4
Предметы одежды из текстильных материалов, не включенные в другие категории	446 775,514	114 604,895	289,8

⁹ Расчеты проводились по методике, предлагаемой Азиатским банком развития (Plummer, Cheong, Hamaakd, 2010). Она основана на вычислении среднегеометрического значения темпов прироста экспорта в период до заключения соглашения и экстраполяции этих значений на четыре года после начала действия соглашения.

Окончание таблицы 3

Категория товаров	2019 г., факт, долл.	2019 г., прогноз, долл.	Размеры превышения, %
Предметы одежды, аксессуары, кроме текстиля	147 460,92	50 471,5452	192,2
Обувь	426 315,721	105 067,593	305,8
Часы	15 638,689	4292,5022	264,3
Ювелирные изделия и изделия из драгоценных материалов, не включенные в другие категории	215 881,957	29 106,7195	641,7
Парфюмерия, косметика (кроме мыла)	847 895,451	540 511,781	56,9
Мыло, очищающие средства, скрабы	104 599,002	80 007,3011	30,7
Итого	13 366 221,8	7 330 467,74	82,3

Источник: рассчитано автором на основании данных о торговле ЮНКТАД.

в Корею техническими требованиями и стандартами, которые могут отличаться от международных. Данные требования и стандарты периодически обновляются на фоне корректировки целей развития, как это происходит в настоящее время в связи с климатической повесткой. Рассмотреть многообразие данных требований в настоящей статье не представляется возможным, но хотелось бы привести несколько примеров, которые демонстрируют неоднозначность используемых корейской стороной стандартов.

Так, Министерство торговли США обращает внимание на ряд сравнительно недавних инициатив корейского правительства в сфере импорта химической продукции, которые затрудняют продажи данной группы товаров на корейском рынке. Среди них выделяются такие как «Акт о регистрации и оценке химической продукции» (Act on the registration and evaluation of chemicals; AREC, или K-REACH), «Акт о здоровье и безопасности на рабочем месте» (Korean occupational health and safety act; K-OSHA), «Акт о химическом контроле» (The chemical control act; K-CCA) (USTR, 2022). По мнению американской стороны, применение данных законодательных актов неочевидно, так как некоторые из них требуют раскрытия чувствительной для компаний информации об особенностях производства, но при этом не предоставляют надлежащего уровня защиты данной информации от утечки.

Также определенную информацию о двойных стандартах, служащих своего рода защитой национальным производителям, предоставляют случаи торговых разбирательств в ВТО, в которых Корея выступает в качестве ответчика в органе по разрешению споров ВТО. По состоянию на февраль 2023 г. Корея фигурировала в качестве ответчика

в 19 жалобах¹⁰, из них подавляющее большинство (11 из 19) имело отношение к применяемым стандартам, маркировке, порядку проведения инспекций товаров. Например, спор DS495 (тестирование и требования к сертификации на присутствие радионуклидов), спор DS391 (импорт мясной продукции из Канады), спор DS163 (механизм государственных закупок) и прочие. Таким образом, в отдельных случаях меры, имеющие отношение к реализации товаров, могут оказаться более серьезным препятствием при входе на корейский рынок, чем тарифы.

Высокая степень монополизации также может рассматриваться в качестве фактора, обуславливающего закрытый характер корейского рынка. Специфика внутренних товарных рынков Республики Корея состоит в том, что многие из них являются монополистическими либо олигополистическими. Большая часть продаж контролируется крупными игроками отрасли. Чаще всего крупный бизнес, оперирующий в разных отраслях, является частью крупных финансово-промышленных групп чеболей. Формально чеболи были реформированы после Азиатского финансового кризиса 1998 г., однако на практике их рыночная власть не уменьшилась ввиду слабого развития конкурентных сил в стране (Shin, 2002). Исследование Комиссии по справедливой конкуренции, проведенное в 2016 г., показало, что 56 отраслей в Корею по-прежнему оставались монополистическими либо олигополистическими (Sukyee, 2016). Однако даже в тех отраслях, которые не имели отношения к указанным 56 отраслям (например, производство продуктов питания, медицинских препаратов и туризм), наблюдались случаи недобросовестной конкуренции в виде картельных сговоров в отношении цен (Norton Rose Fulbright, 2021).

¹⁰ WTO. Dispute by country (https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm).

Высокая степень контроля позволяет крупным корпорациям устанавливать цены, контролировать каналы реализации и опираться на масштабные маркетинговые бюджеты для завоевания потребителей. Одним из ярких примеров монопольного положения является автопроизводитель «Хендэ», часть одноименного конгломерата, который стал монополистом после слияния с другим автопроизводителем «Киа» в ходе посткризисных реформ конца 1990-х годов. Под контролем «Хендэ» находится 80% продаваемых на внутреннем рынке машин (Park, 2020). Долгое время компания лоббировала дополнительные пошлины на импорт иностранных автомобилей, но в ССТ с ЕС эти пошлины ликвидировали, что привело к росту продаж европейских автомобилей в премиальном сегменте корейского рынка. В качестве еще одного примера устранения потенциальных угроз со стороны иностранных конкурентов можно привести решение корейского суда 2021 г., которое обязало американские компании Google и Apple диверсифицировать механизмы оплаты при совершении покупок в мобильных приложениях и расширить присутствие корейских платежных систем (Dangor, 2021).

5. О важности партнера при выходе на корейский рынок

Иностранным компаниям бывает довольно сложно разобраться в структуре товарных рынков в Корее, и особенно – во взаимоотношениях их ключевых игроков. По этой причине работать в тандеме с корейским партнером или через корейского представителя, который нередко наделяется эксклюзивными правами представителя, является распространенной рекомендацией для выхода на корейский рынок. В частности, такую рекомендацию можно встретить на сайте Управления международной торговли Министерства торговли США (U.S. Department of Commerce, US International Trade Administration)¹¹.

Следует заметить, что даже крупные многонациональные корпорации (МНК) стараются заручиться партнерскими отношениями либо назначить своего агента/представителя на корейском рынке ввиду специфичности рынка и практики ведения бизнеса. Помимо этого практикуется сотрудничество с зарегистрированными торговыми компаниями либо открытие собственного представительства. Преимущество работы через торговую компанию состоит в том, что она берет на себя оформление импортной документации и прохождение таможенных процедур. Собственное представительство позволяет лучше контролировать рабочие процессы и соответствие стандартам головного офиса. Но и в случае представительства также необходима тесная коопе-

рация со специалистами, которые хорошо ориентируются в специфике корейского рынка. В западных компаниях практикуется назначение на управляющие должности этнических корейцев, которые воспитывались и/или формировались как специалисты в западной культуре. Такие специалисты понимают тонкости корейского рынка и позволяют компаниям более эффективно входить в рынок.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Коргун И.А., Зуев В.Н.** (2020). Торговая политика Республики Корея как инструмент реализации национальных экономических интересов страны // *Вестник международных организаций*. Т. 15. № 2. С. 236–254. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-1 [**Korgun I.A., Zuev V.N.** (2020). Trade policy and national economic interests in Korea. *International Organisations Research Journal*, 15, 2, 236–254. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-11 (in Russian).]
- Amsden A.** (1992). *Asia's next giant*. N.Y.: Oxford University Press.
- Chen Y.** (2019). South Korea's agricultural trade dilemma: Open markets or protectionism? Beyond the China-South Korea free trade agreement. In: L. Corbin, M. Perry (eds.). *Free trade agreements*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-13-3038-4_4
- Dangor G.** (2021). South Korea becomes first country to ban Google and Apple monopolies on app store payments. *Forbes*, August 31. Available at: <https://www.forbes.com/sites/graisondangor/2021/08/31/south-korea-becomes-first-country-to-ban-google-and-apple-monopolies-on-app-store-payments/?sh=4ee321b22f4f>
- Koo M.G.** (2011). *Partisanship and South Korea's trade policy: New Soul searching between neo-developmentalism and neo-liberalism*. Presentation at a workshop on Democratic Accountability and Diplomacy in Asia, organized by the Council on East Asian Studies at Yale University and sponsored by the Center for Global Partnership of the Japan Foundation, the Yale-Todai Initiative at the University of Tokyo, and the MacMillan Center for International and Area Studies at Yale University, Tokyo, Japan, Friday, September 16, 2011. Available at: https://jww.iss.u-tokyo.ac.jp/jss/pdf/jss630304_039053.pdf
- Lee Y., Lee K.T.** (2015). Economic nationalism and globalization in South Korea: A critical insight. *Asian Perspective*, 39 (1), 125–151. Available at: <http://www.jstor.org/stable/43738117>

¹¹ The US International Trade Administration (2022). South Korea – Country Commercial Guide. Distribution-and-Sales-Channels. [Online] <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/south-korea-distribution-and-sales-channels>

- Norton Rose Fulbright (2021). *Korea: Competition law fact sheet*. Available at: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/8f18c445/competition-law-fact-sheet-korea#section5>
- OECD (2023). *Real GDP forecast (indicator)*. DOI: 10.1787/1f84150b-en Available at: <https://data.oecd.org/gdp/real-gdp-forecast.htm>
- Park S.** (2020). The darkest side of monopsony: The South Korean case. *Premarket*, March 31, Available at: <https://www.promarket.org/2020/03/31/the-darkest-side-of-monopsony-the-south-korean-case/>
- Plummer M., Cheong D., Hamanakd Sh.** (2010). *Methodology for impact assessment of free trade agreements*. Manila: Asia Development Bank.
- Shin K.** (2002). The treatment of market power in Korea. *Review of Industrial Organization*, 21 (2), 113–128.
- Siles-Brügge G.** (2014). Resisting ‘protectionism’: The EU-Korea free trade agreement. In: *Constructing European Union Trade Policy. International Political Economy Series*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137331663_4
- Suk-yeo J.** (2016). 56 Industries were monopolistic or oligopolistic in Korea. *BusinessKorea*, April 18. Available at: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=14440>
- USTR (2022). *Foreign trade barriers*. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/2022%20National%20Trade%20Estimate%20Report%20on%20Foreign%20Trade%20Barriers.pdf>
- Yoo J.-H.** (1991). The political economy of protection structure in Korea. In: *Trade and protectionism*. T. Ito, A.O. Krueger (eds.). Chicago: University of Chicago Press. 460 p. Available at: <https://www.nber.org/system/files/chapters/c8081/c8081.pdf>

Поступила в редакцию 01.03.2023

Received 03.01.2023

I.A. Korgun

The Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

Multilevel liberalization in Korea, or why the Korean market remains difficult to penetrate

Abstract. For Russia’s ‘turn to the East’ to be successful it is necessary to promote export of Russian products to East Asian markets. This is rather a complex task, because despite a progressive liberalization of the last three decades East Asian markets remain relatively protected. The current paper deals with a case of the Republic of Korea. It reveals a multi-level approach to market liberalization in the Korean trade policy that step up from elements of preserved nationalism. The multi-level approach allows Korea to protect weak national companies and at the same time create opportunities for international expansion for stronger sectors of its economy. As a result, domestic companies get extra-support that distorts competition. Non-tariff barriers and monopolistic product markets are yet other factors that complicate successful positioning of foreign businesses in Korea. Using an example of a free trade agreement with the European Union research shows that such agreements are more effective for unlocking the Korean market. Besides, Korean government prefers FTAs over multilateral liberalization within WTO because they make it possible to take into account strategic economic interests of each trading partner. The paper concludes with some general recommendations on penetrating into the Korean market that can be useful for Russian companies that are making strategies to enter Korea.

Keywords: *protectionism, market liberalization, Republic of Korea, turn to the east, the Korean market.*

Classification: JEL: F13, F15.

For reference: **Korgun I.A.** (2023). Multilevel liberalization in Korea, or why the Korean market remains difficult to penetrate. *Journal of the New Economic Association*, 1 (58), 157–164. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_157